

Механизм осуществления прав участника при залоге акций (долей в уставном капитале)

Научный руководитель – Зикун Илья Игоревич

Галушкин Филипп Витальевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: filipp.galushkin@gmail.com

Федеральным законом от 21.12.2013 N 367-ФЗ в Гражданский кодекс РФ (далее - ГК РФ) была внесена новая статья 358.15 «Залог прав участников юридических лиц» [2]. В п.2 указанной статьи содержится диспозитивное правило о том, что права, удостоверенные акцией, осуществляет залогодатель, в то время как осуществление прав участника общества с ограниченной ответственностью принадлежит залогодержателю. К сожалению, данные нововведения были фактически оставлены без внимания юридическим сообществом, несмотря на то, что предложенное регулирование вызывает серьезные проблемы как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Пожалуй, наиболее трудноразрешимым с позиции как судебной практики, так и доктрины является вопрос о возможности осуществления корпоративных прав залогодержателем, т.е. третьим лицом, не являющимся членом соответствующего хозяйственного общества. На сегодняшний день законодатель разрешает сторонам залога свободно определять то, как и в каком объеме будут осуществляться права участника хозяйственного общества; иными словами, возможность осуществления корпоративных прав третьим лицом, не являющегося членом соответствующей корпорации, прямо допускается законодателем без каких-либо ограничений. Однако такой подход содержит весьма серьезную опасность для участников общества, заложивших свои акции или доли, иных участников общества, не связанных с залоговым кредитором, а также для дальнейшей юридической судьбы самого общества. Показательным примером этого является дело, рассмотренное Арбитражным судом Липецкой области: после заключения договора залога 100% доли в уставном капитале общества залогодержатель, реализуя корпоративные права единственного участника общества, принял решение об увеличении уставного капитала общества на основании заявления принятого им третьего лица (очевидно, связанного с залогодержателем); в результате внесения вклада в уставный капитал третьим лицом заложенная доля уменьшилась со 100% до 6,67%, вследствие чего залогодатель потерял корпоративный контроль [1]. Указанный пример является далеко не единственным случаем отстранения залогодателя от управления обществом в российской судебной практике, что наталкивает на мысль о необходимости создания законодательных границ власти залогового кредитора. Более того, допускаемая законодателем возможность осуществления залогодержателем прав участника корпорации не совсем согласуется с опытом западных правовых систем.

В частности, англо-американская модель не дает возможности осуществлять корпоративные права (прежде всего, права на управление делами общества) обеспеченному кредитору ("collateral taker"), если не произошла передача титула на долю в компании ("share"). Для того чтобы осуществлять права участника общества на управление, обеспеченный кредитор должен быть зарегистрирован в реестре общества в качестве обладателя доли и тем самым стать полноценным участником общества. Также в силу особенностей системы общего права, допускающей расщепление залогодержателя и кредитора по обеспечиваемому обязательству, весьма распространенным способом залога долей юридического лица является передача доли посреднику ("intermediary"), которым обычно является банк,

обслуживающий кредитора, в траст с последующей регистрацией доли на имя такого посредника: в результате посредник ("трасти") сохраняет контроль над активом в пользу кредитора, и в то же время не наносит ущерба компании, будучи не заинтересованным в активном управлении [3;6].

В свою очередь, континентально-европейские правовые порядки также с большой долей осторожности подходят к возможности неучастника корпорации осуществлять права участника соответствующего юридического лица. Так, например, ст. IX:302 DCFR устанавливает общее правило, согласно которому залог долей в уставном капитале ограничивается лишь финансовой ценностью соответствующих долей, но не управомачивает кредитора на осуществление корпоративных прав [4]. Данный подход базируется на широко известном в европейских (прежде всего, германских) правовых порядках принципе запрета на разделение (от нем. "Abspaltungsverbot"), который запрещает передавать права, вытекающие из членства третьим лицам, а также распределять осуществление указанных прав таким образом, при котором участник отстраняется от принятия управленческих решений [5]. Принцип запрета на разделение является выражением фундаментального принципа суверенитета корпорации (от нем. "Verbandssouveränität"), в силу которого участники, являясь носителями риска экономического краха корпорации, должны иметь возможность самостоятельно участвовать в управлении её делами. Стоит однако отметить, что отдельные европейские юрисдикции (например, Мальта) допускают возможность соглашением сторон определить, как и в каком объеме будут осуществляться корпоративные права залогодателя залогодержателем (т.о. не придерживаясь вышеуказанного принципа запрета на разделение) или содержат компромиссный подход, как, например, в Бельгии, где после дефолта должника залогодержатель имеет право осуществлять корпоративные права до удовлетворения обеспеченного интереса [7]. Однако отдельные отступления от указанного принципа не ставят под сомнение экономико-правовую обоснованность самой идеи запрета на сепарацию прав участника корпорации.

Таким образом, большинство западных правовых порядков, в отличие от российского, демонстрирует настороженное отношение к допустимости осуществления корпоративных прав залоговым кредитором общества, предоставляя залогодателю долей те или иные гарантии (в виде посредника в системе общего права или принципа "Abspaltungsverbot" в континентально-европейских правовых порядках). К сожалению, следует признать, что российское право, допуская ничем не ограниченное отстранение участника общества от управления, должным образом не гарантирует интересы последнего, тем самым нарушая баланс интересов между залогодателем и залогодержателем.

Источники и литература

- 1) Решение Арбитражного суда Липецкой области от 18 ноября 2016 г. по делу N АЗ6-5304/2016 // СПС "КонсультантПлюс".
- 2) Федеральный закон от 21.12.2013 N 367-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
- 3) Beale H., Bridge M., Gullifer L., Lomnicka E. The Law of Security and Title-Based Financing. 2nd ed. Oxford University Press, 2012.
- 4) Drobnig U., Boger O. Proprietary Security in Movable Assets. Munich: Sellier European Law Publishers, 2015.
- 5) MünchKHandbWbR Bd. 1. 5. Auflage 2019.
- 6) Wood, P. R. Comparative law of security and guarantees. London: Sweet & Maxwell, 1995.
- 7) Wood Ph.R. Comparative Law of Security Interests and Title Finance. 2nd ed. Thomson; Sweet & Maxwell, 2007.